

«Философия науки» – это философия или наука?

Впечатления о конференции «Какая философия науки нам нужна?»

СПб Государственный Университет, Факультет философии и политологии,

8-9 июня 2007, г., Санкт-Петербург.

Терехович В. Э.

Редко удается видеть такое большое количество философов из разных университетов, обсуждающих одну проблему – проблему связи всей философии со всей наукой. И все благодаря введению обязательного курса для аспирантов «История и философия науки». Не было бы счастья, да несчастье помогло! Конференция высветила, как минимум, три положительных результата вынужденного сближения философии с наукой.

1. Ранее замкнутые в своих сферах философы – онтологи, гносеологи, антропологи, историки философии, философы науки, философы культуры и т.д., теперь вынуждены совместно пытаться определить свое отношение к науке вообще и к отдельным наукам в частности. А, следовательно, вынуждены искать что-то общее в разных областях философии, искать то, что могло бы объединить философию в отношениях с наукой. Ведь философия науки – это единый курс, и сколько бы он не имел разделов, обязательно должно быть нечто объединяющее, и это нечто должны искать сами философы. Так в тезисах **В. Е. Никитина** читаем: «если атмосфера единомыслия уже не присуща российской философии в целом, то это на наших глазах совершается в одной из областей философского знания, которая называется «философия науки» (все цитаты участников приводятся по изданным к началу конференции рабочим материалам).

2. Философы поставлены в ситуацию, когда им приходится доказывать свою необходимость науке, а для этого им надо научиться быть интересными и полезными представителям конкретных наук. Какому же преподавателю философии науки будет приятно, когда аспирант физик, математик, биолог или психолог будет пренебрежительно отзываться о читаемом курсе? Если же какая-то область философии в лице отдельных философов все-таки не захочет иметь дело с наукой, то эта область просто выпадет из предмета философии науки, и тогда возможно встанет вопрос о ценности такой области в учебном процессе.

3. Философы наконец-то вынуждены оставить свое гордое затворничество и хоть как-то начинать знакомиться с конкретными науками, с их историей, с их аксиомами, с их результатами и проблемами. Философы станут больше читать научной литературы,

больше общаться с учеными и польза от этого будет обоюдная. По мнению **В. Н. Поруса** важнейшая задача нового курса как раз и «состоит в повышении компетентности философского сообщества».

Появилась надежда на изменение привычного положения, когда по выражению Э. Маха: «всякий философ имеет свое домашнее естествознание, и всякий естествоиспытатель – свою домашнюю философию»¹. Пока же, **В. И. Курашов** констатирует, что философия науки прячется и от философии, и от науки, что «философия науки почти пуста в онтологическом смысле (в смысле знания того, что же такое наука); философия науки является предметом забавы естественников, тяготеющих к философствованию и философов по профессии, плохо знающих на практике, что такое реальная научная деятельность».

Центральный вопрос конференции, – Какая философия науки нам нужна? – как и принято среди философов, крайне расплывчат. Возможно, по этой причине мало кто из выступавших пытался на него ответить. Большинство снова и снова доказывало важность философии для науки или касалось отдельных проблем их отношений. По-моему, главный вопрос следовало бы переформулировать, как минимум, в трех вариантах:

А) Какая философия науки нужна философам?

Б) Какая философия науки нужна ученым?

В) Какой должна стать философия по отношению к наукам, чтобы быть необходимой и ученым и философам?

На вариант «А» возможно, как минимум, три ответа. Первый ответ – философам не нужна философия науки, т.к. это разные сферы познания. Второй ответ – философам нужна философия науки, которая анализирует историю науки с точки зрения философии и указывает ученым пути дальнейшего развития их наук. **А. Б. Паткуль** обозначает такой ответ как «критическое обоснование научности позитивных наук». Третий ответ – философам необходима философия науки, которая ставила бы перед философами требующие решения задачи, подсказывала бы направления их деятельности и давала возможность проверки результатов деятельности философов. Судя по материалам конференции, наиболее популярными являются второй и первый ответы. Правда, первый обычно озвучивался не в докладах, а в перерывах.

На вариант «Б» возможны те же ответы, но уже со стороны ученых. Первый ответ – ученым не нужна философия науки, т.к. это разные сферы познания. Второй ответ – ученым нужна философия науки, которая анализирует и объясняет историю науки с точки

---

¹ Мах, Эрнст Познание и заблуждение. – М., 2003

зрения науки, а также указывает философам научные задачи, требующие философского анализа. **А. Б. Паткуль** обозначает такой ответ как «деятельность по обслуживанию позитивных наук (методическое обеспечение и обобщение результатов в единой картине мира)». Третий ответ – ученым необходима философия науки, которая подсказывала бы возможные направления решения их проблем, обобщала результаты разных наук, объясняла обоснованность научных парадигм и аксиом. Нетрудно догадаться, какой ответ будет наиболее популярен у ученых.

П. М. Колычев предлагает ограничиться только двумя вариантами – «А» и «Б», но какой бы из ответов на эти варианты философы не выбрали, ученые их скорее всего не поддержат, а философы будут отвечать им тем же. Постановка вопроса в вариантах «А» и «Б» ведет к тому, что философия науки обречена на малоэффективное прозябание, в лучшем случае, философы и ученые сойдутся на истории науки. История науки, безусловно, важна. Именно с точки зрения философии можно анализировать развитие аксиом, идей, методов и результатов науки. Но сама история науки разве может быть не научной? Да и может ли история науки заменить философию науки? Конечно, нет. История отвечает на вопросы, – что было и как? А философия должна ответить, – почему было именно это и почему именно так? И далее, – что может быть и почему?

Философия науки возможна как область знания только в одном случае, – если она будет одинаково необходима и философам, и ученым. А значит, искать ответы имеет смысл только на вариант «В». И вот здесь-то философы в который раз встанут перед выбором.

Сама формулировка предмета «философия науки» подразумевает противопоставление философии и науки, как двух форм человеческого познания. Заранее постулируется критерий демаркации. Здесь и заключено главное противоречие. Философы создают множество своих расплывчатых критериев деления: философия – не философия, ученые в ответ периодически изобретают собственные критерии деления: наука – не наука. И каждый считает себя правым.

Философия науки может иметь четыре основных варианта статуса по отношению к порождающим ее философии и науке.

- 1). Философия науки – часть философии и не является наукой.
- 2). Философия науки – часть науки и не является философией.
- 3). Философия науки – не принадлежит ни к философии, ни к науке.
- 4). Философия науки – одновременно принадлежит и к философии, и к науке.

Третий вариант не интересен ни философам, ни ученым, поэтому не заслуживает рассмотрения. Первый и второй подразумевают принципиальное различие философии и науки, четвертый же их единство, в нем они не противопоставлены, а на неких принципах объединены в системное целое. Чтобы выбрать наиболее перспективный вариант, необходимо каждый проверить на противоречивость, а для этого следует найти хоть что-то общее между философией и наукой. Как указал в своих тезисах **М. А. Беляев**: «если бы философия не имела ничего общего с наукой, она не могла бы выполнять по отношению к ней никаких функций». Для начала вспомним критерии научного познания, с которыми согласны большинство и философов, и ученых.

Критерий роста знаний: наука – это деятельность по получению новых знаний, каждая новая теория должна отвечать на большее количество вопросов и иметь большую область применения. Поэтому всегда должно сохраняться критическое отношение к принимаемым теориям. Можно ли противопоставить философию науке по этому критерию? Конечно, нет. Разве согласится современный философ с тем, что он знает о мире и человеке столько же, сколько знали Платон или Декарт? Разве кто-то признает незыблемость философских теорий?

Критерий объяснения: наука изучает причины и свойства любых объектов и явлений, ищет общие закономерности, управляющие миром, человеком и их отношениями. Противоречит ли философия этому критерию? Например, по мнению **В. Е. Никитина** «не свойства вещей, а их смыслы и значения являются непосредственным предметом философского познания. Подлинная философия не нуждается в поисках внешнего оправдания для собственного существования». Но вряд ли какой-то ученый согласится с тем, что его не интересует смысл изучаемых объектов. И что это за любовь к мудрости, которая не нуждается в поисках оснований существования? Или философ – это особый тип человека, не испытывающий сомнений и не ищущий оправданий? Так **С. В. Бусов** понимает науку как «особо упорядоченный систематизированный духовный труд, целью которого является истинное знание».

Критерий логики: наука доказывает свои выводы путем логических построений, основанных на требовании их непротиворечивости. Чем меньше противоречий, тем ближе к истине. Будет ли уважающий себя философ гордиться тем, что его выводы нелогичны и противоречивы – противоречат сами себе и другим выводам этого же философа? Вряд ли. Кроме того, и наука, и философия любые логические рассуждения предваряют схожими интуитивными установками, без опоры на которые никакая логика невозможна. Даже

логика арифметики, даже закон исключенного третьего опираются на интуитивно принятые аксиомы.

Критерий системности: наука стремится систематизировать знания в максимально общую непротиворечивую систему, описываемую максимально простыми законами, настолько простыми и непротиворечивыми, что их можно выразить в математической форме. Причем возможность математического описания как критерий науки сама требует философского обоснования. Может ли философ серьезно считать, что в каждой области философии могут быть отдельные законы, никак не связанные друг с другом? Разве задача онтологии не в поиске наиболее общих причин и принципов любого сущего и любого бытия. По мнению **П. М. Колычева** «ядром философии является онтология, которая понимается нами как наиболее общее знание о мире в целом». А разве задача гносеологии не в поиске наиболее общих принципов познания в любых его областях (в философии, в науке, в культуре, в религии и т.д.)? Если какой-то философ решит придумать отдельный закон для произвольно избранной области философии, он его придумает. Но кому нужен такой закон, кроме его автора? Разве можно на основе абсолютной свободы самовыражения без всякой системы постигать истину? Философия не может не стремиться к систематизации, полноте и простоте своего знания, т.к. обратное стремление противоречит самой сущности философии. Как известно из диалектики, непротиворечивость – не означает полное отсутствие противоречий. Она означает единство и согласованность в различных сечениях целого пары противоположных аспектов, без которых невозможно ни движение, ни развитие.

Критерий формализации: науке для развития необходима опора на системы языка, понятий и аксиом, на системы, которые по мере необходимости могут быть пересмотрены. Если взять любую философскую систему, то и там нетрудно обнаружить и свой особый язык, и понятия, и свою систему аксиом. Но разве отличия языков и аксиом разных философских систем являются критерием их не научности? Ведь в различных науках мирно уживаются абсолютно разные языки и, часто противоречащие друг другу, системы аксиом.

Критерий объективности и проверяемости – самый решающий! Считается, что наука познает действительно существующую объективную реальность или реальность, не зависящую от свободы воли познающего человека. Следовательно, любое научное знание может быть проверено объективным способом. Отсюда следует, что научным опытом должен признаваться только опыт, не зависящий от того, кто и сколько раз его произвел. А что же принято считать независимым от свободы воли? То, что имеет протяженность в

четырёхмерном пространстве-времени, а значит, наблюдаемое в его категориях, в том числе и в категориях массы, порождаемой этим пространством-временем? Но чтобы обоснованно использовать такой критерий объективности надо совсем немного, - определить границу между областью, не зависящей от свободной воли, и областью, от нее зависящей. Вот тут и возникает проблема.

Во-первых, как возможна подобная объективность интуиции, без которой невозможно никакое научное познание? У интуиции нет ни протяженности, ни времени. Нет их ни у рассуждений, ни у логических связей, ни у математических соотношений.

Во-вторых, ограничиваясь таким пониманием реальности, из науки придется удалить психологию, социологию, экономику, физиологию и даже большую часть медицины и генетики. Ведь ни свобода, ни долг, ни мораль, ни любовь, ни цель, ни даже эволюция не могут быть выражены в категориях четырёхмерного пространства-времени.

В-третьих, такой критерий заранее постулирует наличие свободной воли только у человека. Но подобный постулат невозможно доказать в рамках науки, заранее отказывающейся от изучения свободной воли. Откуда у науки этот постулат? Может быть, из религии или из философии? Почему объективными признаются какие-то «врожденные» свойства частиц материи (инертность, движение, заряд, экономность, симметрия, сохранение и т.д.), почему объективными могут быть какие-то «странные аттракторы», обуславливающие целенаправленность развития систем частиц материи, но ни в коем случае не может быть объективной «свободная воля» этих самых частиц? В чем собственно разница? В терминах или в стремлении любой ценой сохранить исключительность человека?

В-четвертых, если вернуться к предыдущим пяти критериям, то последний из них выглядит явно странным и искусственным. Отказываясь от изучения свободной воли, наука сама себе противоречит, ведь она тоже является порождением свободной воли, без которой невозможно ни восприятие фактов, всегда нагруженных теорией, ни выдвижение гипотез, ни априорное интуитивное обобщение. Без свободной воли невозможна ни наука, ни философия, ни даже религия. Как можно ограничивать объективный мир четырёхмерным пространством-временем, которое по каким-то причинам все время искривляется, да еще имеет неопределенное количество сингулярностей в виде черных дыр, почему-то находящихся в центре каждой галактики? Да и само четырёхмерное пространство-время началось с самой главной сингулярности «Большого взрыва», в которой не действовали никакие научные законы, где не было ни энергии, ни материи, ни пространства, ни времени. Так что, сингулярности тоже не являются предметом науки?

Обобщая, можно сказать, что научное познание – это способ получения новых знаний путем последовательного обобщения и систематизации имеющихся знаний, а затем их всесторонней критики и пересмотра. Все другие критерии научности, как элементы знания о познании, несут только вспомогательную функцию, а значит, тоже могут быть подвергнуты критике и пересмотру.

Вернемся к четырем случаям соотношения философии и науки в предмете «философия науки». В первом случае философия науки не является наукой, и у любого ученого возникнет вопрос, – Как я могу доверять области знания, заведомо не являющейся наукой? Пусть ей занимаются философы сами для себя. Во втором случае философия науки является не философией, а наукой, и тогда у любого ученого возникнет вопрос, – А какое отношение к ней имеет философия, т.е. не наука? Ученые сами могут ей заниматься, отбирая понравившиеся им философские идеи. Часто так и происходит в курсах «Концепции современного естествознания». Но не только ученым, философам тоже приходится делать выбор между первым и вторым случаем.

Что же делать? Остается четвертый случай: философия науки - это одновременно и философия, и наука. Но для этого придется отказаться от четкого деления знания на науку и философию. И, в первую очередь, отказаться от критерия объективности, перестать делить мир на объективный и субъективный, а, следовательно, уравнивать в правах опыт в категориях четырехмерного пространства-времени и опыт в других категориях (опыт эмоций, чувств, мыслей, интуиции, опыт души и духа). В этом случае придется согласиться с тем, что наука это тоже философия, а философия - тоже наука. Но в чем тогда разница? Почему применяется два термина?

Путаница происходит как всегда из-за нечеткого определения понятий. Когда мы говорим наука, мы имеем в виду не какую-то одну науку, а десятки конкретных наук, посвященных отдельным областям мира и человека. Объединяет их две основные черты: все они заранее ограничили область своего познания, и все используют так называемый научный метод, понимание которого самими учеными меняется несколько раз в столетие. Но научный метод – это не выдумка ученых, по своему назначению это метод, кратчайшим путем ведущий к познанию истины.

Если к научному методу применить перечисленные выше шесть критериев научности, нетрудно будет заметить, что формулировку каждого критерия можно толковать произвольно. При желании сообщество ученых в конкретной науке может ограничивать

каждый критерий любыми пределами, руководствуясь исключительно их практическим удобством.

Например, новыми знаниями можно считать только полезные знания о трехмерных объектах. Из познаваемых причин можно исключить целевые причины, объявив их религиозными. Из познаваемых законов можно исключить законы любви и законы совести. Логику можно ограничить формальной двузначной, а трехзначную не рассматривать совсем. Системность можно ограничить областью видимого, не пытаясь согласовать ее с культурой. Можно обобщать знания отдельно для физических объектов, отдельно для живых организмов, и отдельно для человека. Можно отбирать одни аксиомы, один язык и отвергать другие. И, наконец, можно произвольно вешать таблички «реальный» и «объективный» на то, что удобно познавать в данный момент. Как будто объекты, объявленные «нереальными», тут же перестанут существовать. Если же отказаться от всех искусственных ограничений научного метода, то не останется никаких оснований, запрещающих его использование в любой области философии, в том числе и в философии науки. Для философии научный метод можно сформулировать как способ получения новых философских знаний путем последовательного обобщения и систематизации имеющихся философских знаний, а затем их всесторонней критики и пересмотра. Причем в состав философских знаний обязательно должны входить все теории, все аксиомы, все законы всех конкретных наук.

Если философия начнет использовать научный метод, то ее отличие от конкретных наук будет состоять только в степени охвата областей познания. Философия опять станет наукой о всеобщем, а конкретные науки – философией о конкретных ограниченных областях всеобщего. Тогда научный метод конкретных наук будет ограничен их конкретной областью, а научный метод философии объединит в себе все методы конкретных наук как частные случаи. Вся разница между философией и наукой сведется к степени их всеобщности.

Р. А. Зобов указывает в своих тезисах: «Философия кардинально отличается от науки. Наука ориентирована на познание закономерностей тех или иных фрагментов действительности, тогда как философия изначально стремится представить мир как целое».

И тогда философия науки может стать областью перехода от универсального научного метода философии к частным научным методам конкретных наук, от всеобщей онтологии к частным онтологиям, от универсальной гносеологии к частным гносеологиям, от всеобщей антропологии к частным ее проявлениям, от всеобщей

истории к истории частных областей. Философия науки не должна быть метанаукой, но может стать связующим звеном между метанаукой-философией и конкретными науками, между общим и частным. Именно о такой роли философии писал В. С. Соловьев: «должно допустить некоторую всеобщую универсальную науку, содержащую в своем единстве все те образовательные (формальные) начала, которые порознь проявляются в частных науках» («Критика отвлеченных начал»)².

На вопрос, – Какой должна стать философия по отношению к наукам, чтобы быть необходимой и ученым и философам? – ответ может быть таким: философия должна стремиться стать наукой и помогать всем наукам становиться частью философии.

В этой идее нет ничего нового. Пифагор придумал слово «философ» – любитель мудрости. А «математиками» он назвал учеников своей школы, занимающихся вершинами мудрости и изучающих числа, геометрию, астрономию, музыку, этику и теологию. Наука и философия всегда были едины, пока в начале XIX века позитивисты не выдвинули лозунг «философия – не наука, в лучшем случае, методология науки как один из ее инструментов». Идея прижилась и процветает до сих пор. Попытка свести философию науки к методологии, к науковедению и сегодня одна из самых популярных. В тезисах **В. К. Иошкина** отмечается, что «Наука и методология – это два феномена, существующих вместе... Методология – мозг науки». Но снова встает вопрос, – Методология науки – это наука или философия? И пока мы не ответим на него, ничего вразумительного сказать об этой методологии невозможно.

В. С. Степин в своем учебнике определяет предмет философии науки так – общие закономерности и тенденции научного познания как особой деятельности по производству новых знаний, взятых в их историческом развитии в социокультурном контексте. Из такого понимания следует, что существуют какие-то отдельно развивающиеся научные знания и еще особое знание – философия науки, изучающая общие закономерности научных знаний. Гораздо логичнее было бы предположить, что философия науки – это тоже научное познание или деятельность по производству новых научных знаний о любой научной деятельности. Но в отличие от остального научного знания, философия науки – это познание всеобщих закономерностей научной деятельности. А чтобы научно изучать всеобщие законы какой-либо деятельности человека, **необходимо** знать всеобщие законы существования, как самого человека, так и того, с чем он взаимодействует и что познает. Следовательно, должна быть некая наука о

---

² Соловьев, Владимир Критика отвлеченных начал // Философское начало цельного знания / В. Соловьев. – Минск, 1999.

всеобщих закономерностях любого существования и любого познания, и это может быть только философия.

Как ни парадоксально, но позитивистский лозунг «философия – не наука» привлекает сегодня многих философов. Ведь если признать необходимость применения научного метода для поиска истины в философии, то сложнее всего придется именно философам. Им придется искать простые и ясные определения, связывать их друг с другом, избегая противоречий, в противном случае любые определения всегда будут равноправны. Придется создавать систему аксиом и законов философии, формулировать универсальные правила и критерии философского знания, ведь без аксиом и критериев любая философская идея и теория всегда будет истинной, или точнее, не будет ни истинной, ни ложной. Философам придется объединять в единую систему и онтологию, и гносеологию, и антропологию, и остальные области философии. Придется объяснять связь философских понятий и законов с понятиями и законами других областей знания, а иначе как можно обосновать претензию философии на всеобщность?

По перечисленным причинам большинство философов и дальше будут поддерживать постулат «философия – не наука», следовательно, не обязана быть научной и философия науки. Возможно, здесь сказываются отголоски долго навязываемой научности «диалектического материализма», породившие отвращение ко всякой научности в философии.

И. А. Михайлов с горечью пишет: «философию по-прежнему понимают как науку, притом науку «о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления», воспроизводя все те же старые схемы диалектического материализма». **С. Ф. Мартынович**, как и многие философы, уверен, что «философия может быть как системной, так и антисистемной по своему замыслу... философия обладает статусом свободного мышления». Непонятно только, как наука способна существовать без свободного мышления. И почему свобода воли противопоставляется системности, ведь, как должно быть известно философу, полная свобода эквивалентна полному рабству. Свобода мышления – это вовсе не анархия. Не может философское мышление быть свободным от языка, от логики, от внешних и внутренних связей философа и его слушателя, не может быть свободы познания без ограничивающего его бытия. И если у бытия есть система, то должна она быть и у познания.

Последствия такой позиции мы уже разобрали. И опять здесь нет ничего нового. И. Кант писал в «Критике чистого разума»: «Из-за того, что философы произвольно чертили план, не знали дороги, которой следует идти, и постоянно спорили между собой из-за

открытий, которые каждый стремился сделать на своем пути, их науку стали презирать сначала другие, а, в конце концов, даже в их собственной среде»³.

Но, как известно из истории, и наука, и философия продвигаются вперед не большинством, а подавляющим меньшинством, не делящим мир на части, а ищущих в нем единство и гармонию. По мнению И. Кеплера главной целью всех исследований внешнего мира должно быть открытие рационального порядка и гармонии, которые Бог ниспослал миру и открыл нам на языке математики. А для А. Эйнштейна основой всей научной работы служило убеждение, что мир представляет собой упорядоченную и познаваемую сущность.

Итоги конференции можно рассматривать как постановку проблемы и обмен мнениями. Но, к сожалению, так и осталось неясным, в каком направлении должна развиваться философия науки. По-моему, результативность научной конференции могла бы быть выше при проведении некоторых дополнительных мероприятий.

- 1) Можно было предварительно сформулировать несколько конкретных проблем философии науки, ее основные задачи и критерии, разослать их участникам до начала конференции в виде анкеты с предложением кратко высказать свои мнения.
- 2) Кратко сформулированные проблемы и задачи философии науки можно обсуждать на каждой секции, зафиксировав краткие результаты.
- 3) Можно обсудить на круглых столах анкету о задачах философии науки, которую впоследствии предложить ученым-практикам, преподавателям конкретных наук и аспирантам разных направлений. В дальнейшем обработка такой информации дала бы много полезного для нового курса.
- 4) Для увеличения эффективности можно сократить количество секций и уменьшить количество проблем, выносимых на конференцию. На каждую секцию заранее выносить две-три конкретных, точно сформулированных проблемы. Целесообразнее отбирать только доклады, соответствующие перечню проблем, вынесенных на секцию. Одновременно существенно увеличить время для дискуссии.
- 5) Можно приглашать на подобные конференции больше представителей естественных и гуманитарных наук для выяснения их позиции.

---

³ Кант, Иммануил Критика чистого разума. – Симферополь, 1998.

В любом случае, значение прошедшей конференции трудно переоценить. И философия, и наука подходят к такому состоянию, когда они уже не могут не двигаться навстречу друг к другу. И чем чаще они будут встречаться, тем ближе к истине будет философия, и тем ближе к мудрости будет наука.